

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Клад Кучума

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Клад Кучума

«Public Domain»

1897

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Клад Кучума / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1897

«Жаркий июньский день. Воздух накален до того, что дрожит и переливается, как вода, а даль чуть брезжит, повитая синеватой дымкой. И такая чудная степная даль... Да, это настоящая киргизская степь, степь без конца-края, степь еще не тронутая дыханием цивилизации. Я любил по целым часам лежать в этой душистой, могучей степной траве, точно окропленной яркими красками степных цветов, – лежать и мечтать, как лежит и мечтает настоящий номад. Что ни говорите, а в каждом русском человеке, как мне кажется, живет именно такой номад, а отсюда неопределенная тоска по какой-то воле, каком-то неведомом просторе, шири и вообще по чем-то необъятном. Впрочем, я предавался этим мечтам, так сказать, по обязанности, потому что пил кумыс и должен был известное число часов жариться на степном солнце. Предаваться абсолютному покою – своего рода искусство, которое усваивается только постепенно...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Клад Кучума

Из степных встреч

I

Жаркий июньский день. Воздух накален до того, что дрожит и переливается, как вода, а даль чуть брезжит, повитая синеватой дымкой. И такая чудная степная даль... Да, это настоящая киргизская степь, степь без конца-края, степь еще не тронутая дыханием цивилизации. Я любил по целым часам лежать в этой душистой, могучей степной траве, точно окропленной яркими красками степных цветов, – лежать и мечтать, как лежит и мечтает настоящий номад. Что ни говорите, а в каждом русском человеке, как мне кажется, живет именно такой номад, а отсюда неопределенная тоска по какой-то воле, каком-то неведомом просторе, шири и вообще по чем-то необъятном. Впрочем, я предавался этим мечтам, так сказать, по обязанности, потому что пил кумыс и должен был известное число часов жариться на степном солнце. Предаваться абсолютному покою – своего рода искусство, которое усваивается только постепенно. Лежишь в траве целые часы и ни о чем определенном не думаешь, а так, мысли в голове плывут, как редкие высокие облачка по летнему небу. Например, отчего в самом деле не сделаться настоящим степняком, как мой хозяин по кумысу киргиз Чибуртай? Ведь он счастлив, и так немного нужно для этого счастья... А как он спит спокойно, какой у него здоровый вид. И ничем не мучится, как не мучится ничем его родная степь, кроме избытка сил. Собственная издерганность на этом степном фоне выступает с какой-то особенной рельефностью, – если бы тряпица могла чувствовать, она, вероятно, чувствовала бы нечто подобное, попав на фабрику или в магазин новых материй, еще не утративших первородной крепости, красок и блеска. Да, я чувствовал себя именно такой тряпицей, когда лежал в степи, представлявшейся мне гигантской зеленой лабораторией, в которой еще недавно приготавливалась история. Но коренной степняк давно сбит с позиции, и его степь занята другими насельниками. Остался от досельных времен страшный кровавый мираж... Виноват, остался еще кумыс (постепному: «кумыз»), этот изумительнейший из всех напитков, какие только были когда-нибудь изобретены человечеством. Да, единственный напиток, в котором точно сконцентрировалась степная зеленая сила. Вымиравшие цивилизации оставляли на память счастливым приемникам непременно какое-нибудь зло, как проказа, холера, табак, опиум, и как мы оставим приемникам наше проклятие в форме нервности; а замиренная степь подарила нам целебнейший напиток, которому равного и не будет. И т. д., и т. д.

Привожу свои мысли в порядке их полной беспорядочности и тех свободных комбинаций, которые в виде особенной роскоши может позволить себе отдыхающий человек. Да, еще одно маленькое замечание – только в степи чувствуешь себя центром мира... Куда ни взглянешь – во все стороны степь расходится от вас по радиусам, как в геометрии. Это совершенно особенное ощущение, которое испытывается только на море и, вероятно, будет испытываться в воздухе, когда наука разрешит наконец вечную проблему движения по воздуху и наши счастливые потомки понесутся птицами по поднебесью. Как мне кажется, в этом сознании собственной центральности таится причина того, что философская обобщающая мысль зародилась именно в степи и у островитян как естественная реакция человеческого духа на господствующее зрительное впечатление.

Итак, я лежал на траве и после мыслей о превратных судьбах человечества занялся наблюдением обступившего меня степного ковыля. Как лесные папоротники, так и ковыль положительно имеет в себе что-то мистически-таинственное и поэтически-сказочное, начиная с того, что он совершенно не походит на другие степные растения и, как папоротник, придает

степи немного грустный колорит. Мои наблюдения над ковылем были неожиданно прерваны заразительным собачьим лаем. Я поднялся и увидел в двух шагах от себя низенького старика без шапки и в белой холщовой расейской рубашке.

– Цыц ты, Поселенка! – окрикнул старик рвавшуюся ко мне собаку. – Еще как раз напугаешь барина...

Старик подошел ко мне и проговорил с какой-то особенной простотой, точно мы вчера только расстались:

– Спичку бы мне, барин...

Как на грех у меня именно спичек и не было с собой, потому что, отправляясь на кумыс, я бросил курить.

– Нет, дедушка, у меня спички...

– Ах ты грех какой... А мы вон там станом стали, надо огонечка разложить, а спички-то и нет. Вот, поди ж ты, какая притча...

По костюму, по говору, а особенно по слову «барин», я сразу определил коренного расейского мужика, – барина Сибирь начинает узнавать только с проведением железных дорог, а до этого решающего момента были или купец, или его благородие как два полюса правящего класса. Ни барина, ни лаптей Сибирь не знала.

– Как же быть-то? – проговорили мы в один голос.

– Да, видно, надо будет дойти, барин, вон туда, где шатры стоят...

Шагах в ста от нас виднелись три коша Чибуртая (кош – круглая войлочная палатка), точно какие-то степные богатыри потеряли свои войлочные шапки.

– Постой, дедушка, пойдем вместе, а то тебя разорвут собаки...

– Меня-то не тронут, а вот собачку могут изувечить... Так, дорогой пристала. Ну, мы ее и назвали Поселенкой, потому как сами поселенцы... Мы, значит, рязанские будем.

– А куда вы едете?

– Куда мы-то? Мы-то, значит, на Амур пробираемся...

– На Амур?

– Видно так, барин... А далеко еще осталось?

– Далеконько, дедушка! Тысяч пять верст...

– Ведь вот поди ж ты! – изумился старик. – Третий месяц из Рязанской губернии едем, а все пять тыщ...

Пока мы шли, старик говорил все время, причем я узнал всю биографию его семьи до последнего горя включительно. Дорогой прихворнули двое ребятишек у старшей снохи, животами сильно скудальсь, ну, а потом и померли. Ревет большуха-то, а того не понимает, что отбились от своей партии. Другие-то вперед ушли, пожалуй, и не догонишь.

– Славные ребятки были, – жалел старик. – Известно, ребячье дело: много ли надо. Точно цыплята свернулись... Конечно, кабы дома, так отлежались бы, а тут, в дороге, стало быть... Сильно ревет большуха, вот как убивается. Всех засмутянила, хоть назад поворачивай... Два сына у меня женатых, ну, у меньшого еще трои ребята мал мала меньше.

Мне очень понравился этот разговорчивый старик. В нем была какая-то особенная детская простота. И лицо такое славное, какое бывает только у коренного русского пахаря. Ни одного торопливого движения, ничего лишнего. Я люблю вот именно такие простые крестьянские лица, в которых точно отпечаталась вся наша русская история. Он побряхтывал на ходу, шмыгал ногами, обутыми в расейские лапти, и встряхивал головой. Поселенка почувяла врага и принялась угрожающе ворчать. Киргизские собаки-волкодавы бросились к нам навстречу громадными прыжками, но узнали меня и ограничились обнюхиванием Поселенки. Перед кошом Чибуртая курился огонек. Сам Чибуртай сидел около на корточках и внимательно следил, как мой кучер Егор Иваныч, пробойный городской мещанин, промышлявший около хороших гос-

под, жарил баранину прямо на угольях по какому-то мудреному исправничьему рецепту. В Сибири есть и яичница «исправница».

– Мир на стану... – проговорил мой старик.

Чибуртай, высокий, скуластый и узкоглазый киргиз, одетый в летний бешмет из черного ластика, издали очень походил на попа. Он мельком взглянул на старика поселенца и отвернулся, как отвертываются от недостойных внимания предметов. Чибуртай был богат благодаря каким-то мудреным комбинациям с краденым золотом и краденными лошадьми и держал себя с большим гонором.

– Огонька бы... – повторил старик. – Мы, значит, тут лошадку остановились покормить, а огонька-то и нет.

– На... – предложил ему Егор Иваныч целую коробку серянок, зорко оглядывая гостя. – Дальние будете, старичок?

– А мы рязанские, значит.

Егор Иваныч отличался большой любознательностью и кроме того по натуре был фантазер и мечтатель. Его городская голова постоянно была набита тысячью самых несбыточных думушек, а главное, его вечно тянуло в ту неведомую даль, где протекли сытовые реки с кисельными берегами. Услыхав, что старик рязанец переселяется на Амур, Егор Иваныч весь встрепенулся.

– А ведь ты правильно, дедушка... В самую точку угадал. Падали и до нас слухи об этом самом Амуре. Я сам туда подумывал махнуть, да вот все как-то собраться не могу... Да и то сказать, какие мы есть люди, то есть городские: так, ни к чему. Вот я в извозчиках ездил, потом соленой рыбой да листовым табаком торговал, гармонию могу починить или подметку наладить, а все это наплевать... А настоящий крестьянин совсем другое: он на своей земле сидит. Одобряю, дедушка... Правильно.

– Уж как бог донесет, мил человек. Ох, далеко еще ехать-то...

– Ах ты какой, дедка... Ну, далеко, это точно, а все-таки куда-нибудь да приедешь, и бояться тебе нечего, потому как нет на свете правильнее человека, как крестьянин. Остальное-то все пустяки...

Старик топтался на одном месте и все присматривал степную даль, защитив от солнца глаза ладонью. Он покачивал головой и что-то шептал про себя.

– Ты это что, дедка, ворожишь-то?

– А вот смотрю... дудка вон сухая везде по полю, значит, место-то и не пахано и не кошено. Не видывали мы еще таких-то местов... Неужто так травка пропадом и пропадает?

– Скотиной только травят, дедка. Здесь казачья земля, ну так казаки гурты жировать пушают. Кому тут косить, когда за десятину аренды всего тридцать копеек.

– Как тридцать? – переспросил старик, не веря собственным ушам. – Господи, помилуй...

– А такое, значит, положенье... Казачишки ленивые, ну и сдают землю. Любую выбирай... У вас-то там в Расее кошку за хвост негде повернуть, а мы еще слава богу.

Этот земельный разговор заставил старика забыть и об огоньке, и об ожидавшей его на стану семье. Он весь превратился в одно внимание, как охотник, почувывший дорожную и редкую дичь. Чибуртай молчал и только изредка взглядывал на старика с каким-то скрытым озлоблением. Когда к огоньку подошел с уздой в руках кривоногий казак Бельков, картина получилась вполне законченная. Чибуртай изображал собой замиренную орду, Бельков – отдохавшего завоевателя, Егор Иваныч – посадского вольного человека, а старик поселенец – ту силу, которая реализует несметные богатства сибирских равнин, степей, гор и пустынь. Комбинация выходила самая характерная. Бельков присел к огоньку по-татарски на корточки, закурил коротенькую трубочку и равнодушно слушал разглагольствовавшего Егора Иваныча, начавшего в конце концов обличать беспросыпную казачью лень.

– Дай-ка вот ему вашу-то землю! – кричал он, указывая на поселенца. – Да ведь тут золото лопатой будут огребать, а вы чуть сами с голоду недохнете. Вон у дедушки и рубашка домашнего холста, и штаны из домашней пестрядины, и лапотки своего домашнего ковырянья – вот его и не возмешь ни с которого боку. Ничего не боишься, дедка?

– А чего бояться-то?

– Вот, вот... Всего-то имущества – один крест, а он всю немшную Сибирь наскрозь пройдет, потому как есть вполне правильный человек. Мы-то все ничего не стоим супротив него...

– Отстань, смола! – равнодушно отвечал Бельков, не имевший ни малейшего желания вступать в словесное ратоборство.

И Егор Иваныч и Бельков были типичны по-своему. У первого лицо было нервное, подвижное, и вся фигура какая-то встрепанная, точно он только что проснулся и еще не успел прийти в себя, а Бельков уже в достаточной мере пропитался степной ленью и всему на свете предпочитал *far niente*¹. Ему даже говорить было тяжело. К старику переселенцу он отнесся с скрытым пренебрежением привилегированного человека. Казаки вообще считают мужика существом низшего порядка, а тут еще какая-то голь расейская. Поселенец постоял, посмотрел на степную аристократию, покачал головой, окинув еще раз хозяйским глазом некошеную степь, и проговорил!

– Ужо я пойду... Спасибо за спички-то.

Чибуртай и Бельков не удостоили его даже кивком головы, а Егор Иваныч поднялся, он не мог утерпеть, чтобы не посмотреть своими глазами, как расейские едут на Амур, Его пожирал огонь вечного любопытства.

---

¹ безделье (итал.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.